

Россія Ключевского

Въ прошедшемъ 1931 году зарубежная Россія отпѣтила двадцатилѣтіе кончины Василія Осиповича Ключевского († 12 мая 1911). Настоящій годъ связанъ съ иной, очень значительной, юбилейной памятью въ духовной біографіи Ключевского — в Россіи. Исполнилось полвѣка со времени появленія «Боярской Думы». Сначала на страницахъ «Русской Мысли» (съ 1880 г.), потомъ въ отдѣльномъ изданіи этого классическаго труда Ключевскаго (1882 г.), читающая Россія впервые ознакомилась, въ художественномъ воплощеніи, съ совершенно новой схемой русской исторіи. Въ «Боярской Думѣ» заключены уже идеи всего знаменитаго курса, который студенты Московскаго Университета могли слушать съ 1879 года. Съ этихъ поръ схема Ключевскаго царствуетъ почти неограниченно. Это не одна изъ многихъ, а единственная Русская Исторія, на которой воспитаны два поколѣнія русскихъ людей. Специалисты могли дѣлать свои возраженія. Для всѣхъ насъ Россія въ ея исторіи дана такой, какой она привидѣлась Ключевскому.

Какъ, изъ какихъ элементовъ сложился образъ этой Россіи? Какія теченія мысли, какія общественныя вліянія стояли у колыбели Россіи Ключевскаго? Что въ ней отмерло, что остается живымъ для насъ? Вотъ вопросы, на которые мы попытаемся дать отвѣтъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, поскольку этотъ отвѣтъ уже подготовленъ въ развитіи русской исторической науки.

I

Историкъ лучше другихъ знаетъ, сколько субъективнаго заключено во всякой канонизированной схемѣ національной исторіи. Художественному гению, болѣе чѣмъ научному, удастся впечатлѣть свой образъ національнаго прошлаго, заморозить имъ цѣлый народъ. Ранке, Мишле, Гринь дали нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ устойчивый образъ родины — школу, или идолъ, которые могутъ принимать жертвы, вдохновлять на подвиги. Но вре-

мя проходить, и краски тускнѣютъ подь развѣдающимъ дѣйствіемъ критическихъ кислотъ. Старая схема превращается въ груды устарѣлыхъ гипотезъ. Это значитъ, время ждетъ новаго построенія, новаго мастера, который отлилъ бы накопившійся матеріалъ изслѣдованій въ новую форму.

Первый національный образъ Россіи, въ большемъ стилѣ, былъ созданъ Карамзинымъ. Его сравнительная недолговѣчность не должна насъ обманывать. За нимъ, въ прошломъ, стоялъ весь XVIII вѣкъ, историки котораго влились въ «Исторію государства Россійскаго». Карамзинъ завершилъ. Это поэтъ имперіи на вершинѣ ея славы. Онъ далъ классическое одѣяніе Россіи, построилъ ея форумъ въ стилѣ «ампиръ» — параллель: Захаровъ и Росси, — заставивъ ея героевъ говорить языкомъ римлянъ. Сейчасъ намъ не пристало глумиться надъ русскимъ ампиромъ. Это послѣдній большой стиль Россіи. Такой видѣлъ Россію Пушкинъ. Карамзинъ, зачаровалъ Пушкина и былъ водителемъ его-поколѣнія на поворотѣ отъ декабрьскаго либерализма къ Николаевскому консерватизму.

Карамзинъ далъ душу и стиль Николаевской эпохѣ, потому что и она имѣла свой стиль. Однако стиль этотъ былъ уже въ состояніи окаменѣнія. Разложеніе карамзинскаго стиля началось съ 30-хъ, даже 20-хъ годовъ. Съ разныхъ концовъ — критикъ Качановскій, демократъ Полевой, западники и славянофилы — разрывали классическую порфиру Государства Россійскаго. Она была еще пригодна для учебниковъ и официальныхъ парадовъ: она доживаетъ и въ слѣдующихъ царствованіяхъ въ холодныхъ национальныхъ монументахъ: памятникъ Тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ и Александра II въ Кремлѣ. Но душа давно отлетѣла. Карамзинъ не пережилъ крушенія Николаевской Россіи. Шестидесятые годы обходились безъ схемы русской исторіи. Соловьевъ писалъ для спеціалистовъ; его исторія не стала національной. Костомаровъ не имѣлъ достаточно силы, чтобы стать новымъ, революционнымъ Карамзинымъ. Шестидесятники охотно замѣняли исторію этнографіей. На мѣстѣ былого форума образовалось пустое мѣсто, «коровій выгонъ» (Саширо vachino). Здѣсь легко слагались народніи: писалась «Исторія города Глухова». Но здѣсь же закладывались основы Россіи Ключевскаго.

Читающая Россія слишкомъ поздно познакомилась съ

новой блестящей конструкціей русской исторіи. Счастливые слушатели Ключевского, — и при томъ не универсанты, а студенты Духовной Академіи, Александровскаго Военнаго Училища и Высшихъ Женскихъ Курсовъ могли слышать Ключевского съ начала 70-хъ годовъ. Недавно проф. А. А. Кизеветтеръ *) познакомилъ насъ съ попавшими въ его руки студенческими записями курса Ключевского отъ 1873 года. Не безъ удивленія мы узнаемъ отсюда, что въ 1873 году курсъ Ключевского, какъ его знаетъ наше поколѣніе, уже сложился. Цѣлыя главы вошли безъ измѣненій въ печатный текстъ. Работа послѣдующихъ лѣтъ заключалась болѣе всего въ сокращеніяхъ и въ художественной отдѣлкѣ. Не только историческое міросозерцаніе Ключевского, но и видѣніе имъ русской исторіи было вполнѣ законченнымъ и цѣльнымъ къ началу 70-хъ годовъ. Но это значитъ, что оно сложилось въ 60-ые. Это значитъ, что Ключевскій былъ «шестидесятникомъ».

Такой выводъ покажется многимъ неожиданнымъ. Для поколѣнія начала XX-го вѣка Ключевскій былъ еще современнымъ, передовымъ. Его исторія удовлетворяла не только художественнымъ, но и социологическимъ потребностямъ русскаго интеллигентнаго читателя времени первой революціи. Это значитъ, только, что Ключевскій, какъ всякій большой человѣкъ, во многомъ упредилъ свое время — былъ зачинателемъ, а не завершителемъ эпохи. Но корни его — въ далекомъ прошломъ. Шестидесятые годы вскормили его, дали ему запасъ жизненныхъ впечатлѣній и социальныхъ идей, съ которыми онъ вышелъ на творчество. Семидесятые прибавили кое-что — немного.

Шестидесятые годы оставили печальный слѣдъ въ исторіи русской философской мысли и русскаго слова (не науки). Это эпоха во многомъ скорѣе разрушительная, чѣмъ созидательная. Творчество жизни перѣдко убивало творчество культуры. Но памятникъ огромнаго разлива бушевавшихъ силъ навсегда останутся: для разрушителей эстетика — Некрасовъ, Рѣпинъ, Мусоргскій, для антиисторическаго пародничества — Ключевскій. Ключевскій одинъ оправдываетъ собой шестидесятые годы.

Въ самомъ общемъ и широкомъ охватѣ, включаю-

*) «Первый курсъ В. О. Ключевского» въ Зап. Русск. Научн. Инст. въ Бѣградѣ. Вып. 3. 1931 г.

щемъ разныя, даже противоположныя направленія мысли и политики, шестидесятые годы характеризуютъ реализмъ и народничество. Реализмъ, въ пониманіи того времени, — это анти-идеализмъ, возвращеніе на землю («природа не храмъ, а мастерская»), къ низшимъ, натуральнымъ сферамъ жизни: къ матеріи, къ физиологій, къ экономикѣ, къ этнографіи. Народничество, не въ революціонномъ, а въ широкомъ смыслѣ слова, — какъ бы социальная транс-крипція того же натурализма: глубокой интересъ и сочувствіе къ жизни низшихъ классовъ (крестьянства), — принесеніе въ жертву имъ культурной уточенности и сложности: «все для народа», но, можетъ быть, и не «черезъ народъ» (было народничество монархическое и якобинское). Не трудно видѣть, что обѣ эти черты неизгладимы въ обликѣ Ключевского.

Ключевскій реалистъ: онъ врагъ въ исторіи «созерцательнаго богословскаго вѣдѣнія» и «философскихъ откровеній». Онъ хочетъ изучить «анатомію», «физиологію» общественной жизни. Онъ становится прощипательнымъ художникомъ, когда спускается въ низшіе социальные пласты: географическую природу русской земли, хозяйственный бытъ народа. Его характеристика великорусса (въ I томѣ) навсегда останется классической. Но въ ней сильнѣе всего сказалось вліяніе Щапова и черезъ него этнографической школы 60-хъ годовъ. Ключевскій, съ его развѣнчиваніемъ героевъ, съ его ѣдкой усмѣшкой, многимъ приводилъ на память нигилиста. Правда, дѣлалъ это сближеніе лишь для того, чтобы сейчасъ же его отбросить. Ключевскій не нигилистъ: онъ слишкомъ широкъ для этого, слишкомъ вѣритъ въ «нравственный капиталъ». Но мѣтка нигилизма на немъ не даромъ. Черезъ нигилизмъ онъ прошелъ. Вчерашній семинаристъ, молодой московскій студентъ (1861-65) съ жадностью набрасывается на передовые журналы, увлекается Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, гордится ими, какъ «нашими», поповичами. Его письма къ другу въ эти годы пестрятъ умѣренно-нигилистическими выпадами. Ключевскій скоро переболѣлъ эту дѣтскую болѣзнь, но слѣды ея остались. Они въ значительной степени опредѣляютъ его знаменитую иронию.

Ключевскій-народникъ самъ признается намъ, что все его общественное міросозерцаніе опредѣлилось подъ знакомъ 19 февраля 1861 г.: изъ памяти о недавней крѣпостной неволѣ и изъ размышленій о ней. Болѣе всего при-

влекаетъ его въ Московскую Русь — въклассовое единство культуры; отсутствіе его всего болѣе отталкиваетъ его отъ Императорской Россіи. Ключевскій остался чуждымъ дворянской традиціи Имперіи. Въ карикатурномъ изображеніи XVIII вѣка нельзя не видѣть мстящаго пера, водимаго рукою сына бѣднаго сельскаго священника, который, конечно, чувствовалъ себя ближе къ мужицкимъ избамъ, чѣмъ къ дворянскимъ усадьбамъ.

2

Ключевскій не былъ бы Ключевскимъ, если бы остался только шестидесятникомъ. Онъ долженъ былъ перерасти свое время, пойти въ своей глубинѣ сопротивленіе окружающимъ вліяніямъ, чтобы выковать въ себѣ великаго историка изъ такой, по существу своему, анти-исторической, общественной матеріи. Есть въ немъ черты, столь несходныя съ обликомъ людей его поколѣнія, что онѣ для поверхностнаго взгляда совершенно заслоняютъ шестидесятника.

Ключевскій не радикалъ. И не только въ политическомъ смыслѣ: чрезвычайно трудно говорить о политическихъ взглядахъ Ключевского. Но такъ же трудно говорить и о его религіозныхъ взглядахъ. Ключевского считали своимъ люди самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Онъ былъ свой и въ либеральномъ салонѣ Гольцевской «Русской Мысли» и въ допотопной профессорской средѣ Московской Духовной Академіи. Онъ былъ учителемъ наследника Георгія Александровича и въ 1905 г. приглашался на петергофскія совѣщанія во дворецъ. Но въ то же время П. Н. Милоковъ рассказаль^{*)}, что въ послѣдніе годы своей жизни Ключевскій былъ въ рѣзкой оппозиціи правительству и даже состоялъ членомъ конст.-дем. партіи. Это свидѣтельство не подлежитъ оспариванію. Однако оно получаетъ свое полное объясненіе лишь на фонѣ той первности и горечи, которая все болѣе охватываетъ Ключевского въ годы революціи и отчаянія въ путяхъ Россіи. Тотъ же Ключевскій въ 70-ые годы былъ непроницаемъ для своихъ учениковъ, пытавшихъ его на поли-

*) Въ сборникъ «В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія». Изд. Научн. Слова. М. 1912 См также «Послѣднія Новостя», Январь 1932 г.

тическія злобы дня, и въ 1894 году неприятно поразили всю либеральную Россію своей рѣчью надъ гробомъ Александра III. Ключевскій былъ слишкомъ сложенъ, чтобы вложиться въ направленіе. Къ тому же еще и скрытенъ. Онъ рано заковалъ себя въ броню непроницаемыхъ формулъ, точно и остро отточенныхъ, столь поразительныхъ въ его буйное, богатое силами, но безформенное, растрепанное и хаотическое время. Жизнь научила его сдержанности. Бѣдность и семинарія были для него превосходной школой скрытности. Затанувъ нанесенную ему учительской несправедливостью обиду, онъ удивилъ всѣхъ своихъ товарищей неожиданнымъ и неурочнымъ выходомъ изъ семинаріи до окончанія курса. Какой огромной выдержкой, почти макиавеллистической, нужно было обладать, чтобы читать курсъ одновременно въ духовной, военной и университетской аудиторіи, въ теченіе 40 лѣтъ распаленныхъ общественныхъ страстей, всюду увлекая и плѣняя, никогда ни въ чемъ не возбуждивъ подозрительности разныхъ начальствъ. Будь онъ еще сухимъ собирателемъ и критикомъ историческихъ фактовъ! Но сохранить объективную принудительность въ своихъ яркихъ художественныхъ характеристикахъ, — это дано лишь настоящему искусству.

Ключевскій, какъ художникъ, прямое отрицаніе 60-хъ годовъ. Какъ писатель, онъ совершенно одинокъ, — до самаго XX столѣтія. Его поколѣіе, порвавъ съ великой Карамзинско - Пушкинско - Гоголевской традиціей, размотало всѣ формальныя достиженія русскаго слова, разболтало и развинтило синтаксисъ, засорило словарь. Даже Толстой и Достоевскій, въ своей свободѣ и беззаконіи, не могутъ быть учителями безукоризненной русской рѣчи. Ключевскій былъ не только образнымъ и яркимъ писателемъ (эти качества не были утрачены и въ 60-ыхъ годахъ), но и строгимъ, чеканнымъ, изысканнымъ мастеромъ. Его искусство граничило съ искусственностью, не допускало не малѣйшей вольности. Каждая острота шлифована, правится годами, получая классическую отточенность. Въ обращеніи со словомъ Ключевскій можетъ найти себѣ равныхъ только среди символистовъ XX столѣтія, при всемъ различіи ихъ художественныхъ средствъ. Непонятнымъ, загадочнымъ представляется Ключевскій, какъ стилистическое явленіе. Его можно поставить въ связь съ его моральной сдержанностью. Тамъ и здѣсь —

методическая работа надъ оформленіемъ своей стихійности, отрицаніе «естественности», закованность въ стиль. Классическая школа — въ семинаріи и университетѣ, — которую Ключевскій впиталъ въ себя, какъ послѣдіе классическаго вѣка, — отлило природную одаренность пензенскаго бурсака въ чекаль Вергилія. Надо умѣть почувствовать элементы этой античной формы, вобравшей у Ключевскаго всю образность и жизненность русскаго московскаго говора XVII вѣка.

3.

Ключевскій шестидесятникъ. Въ качествѣ такового, онъ совершаетъ разрывъ съ исторіософическими теченіями 40-хъ годовъ. Линія разрыва, которая въ сферѣ политики и культуры прошла между Чернышевскимъ и Герценомъ, въ исторіософіи проходитъ между Ключевскимъ и историками-гегельянами: Соловьевымъ и Чичеринымъ. Старый споръ между западниками и славянофилами утратилъ для Ключевскаго, какъ и для его эпохи, свою актуальность. Не то, чтобы онъ былъ въ какой бы то ни было степени научно исчерпанъ. Онъ былъ прежде времени сдать въ архивъ, но трагическая тема его звучитъ и въ концѣ столѣтія, и въ эпоху ренессанса XX вѣка, — съ особой силой для нашего времени. Шестидесятники оказались глухи къ ней потому, что сняли съ порядка дня тему историческихъ идей. Практически западники торжествовали по всему фронту, — торжествовали и въ русской исторической наукѣ. Ключевскій, какъ ученикъ Соловьева, какъ передовой человекъ своего времени, конечно, находится въ западнической традиціи (что не мѣшало его сердцу порой славянофильствовать). Но онъ отходитъ и отъ западничества, какъ оно сложилось въ исторической школѣ 40-хъ годовъ.

Менѣе всего онъ хочетъ афишировать разрывъ. Онъ не любитъ полемики, избѣгаетъ даже точной формулировки расхождений. Съ Чичеринымъ онъ сводитъ счеты на нѣсколькихъ страничкахъ предисловія къ «Боярской Думѣ», не называя его имени. По отношенію къ Соловьеву онъ проникнутъ величайшимъ вѣдетомъ, хочетъ увѣрить своихъ слушателей и насъ въ томъ, что онъ остается вѣрнымъ послѣдователемъ Соловьева, — не болѣе. «Я передалъ вамъ то, что получилъ отъ Соловьева: я ученикъ

Соловьева, вотъ все, чѣмъ я могу гордиться, какъ ученый». Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, колонизація Суздальской Руси, ростъ Москвы, корни петровской реформы въ XVII столѣтїи, — вотъ Соловьевъ въ Ключевскомъ. Чичеринъ, историкъ учреждений, завѣщаль Ключевскому нѣблизкий рядъ темъ, если не готовыхъ построений: крѣпостное право, земскіе соборы, — въ сущности, можетъ быть, и самую боярскую думу. Еще значительнѣе для формациі Россїи Ключевского было открытіе Чичеринимъ русскаго средневѣковья: «гражданскаго обществѣ» между родовымъ и государственнымъ Соловьева, — иначе, «средней», удѣльной эпохи, въ которой строеніе удѣльнаго княжества опредѣляется частно-правовыми и договорными отношеніями.

Но, признавая въ полной мѣрѣ все, чѣмъ Ключевскій обязанъ исторической школѣ 40-хъ годовъ, необходимо рѣзко подчеркнуть раздѣляющія ихъ грани. Для исторической философіи гегельянства основными понятіями были: національная идея, государство и историческая личность. Правда, національная идея, доставившая въ удѣль славянофильству — философскому и публицистическому — выпала изъ обихода западной, исторической и юридической науки. Но остаются государство и личность, особенно первое, какъ главный субъектъ историческаго процесса. «Государство есть высшая форма общезитїи, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ», — слова Чичерина. И Соловьевъ ему вторитъ: «Правительство будетъ всегда на первомъ планѣ для историка — для исторїи нѣтъ возможности имѣть дѣла съ народными массами». — «Историческая личность рѣшаетъ задачи, которыхъ исторїя не въ силахъ разрѣшить сама собой» (Чичеринъ). Именно это и отрицаетъ Ключевскій, отрицаетъ практически, въ опытѣ своего остроупїя русской исторїи, гдѣ не государство, не правительство и не властная личность, а народъ, въ смыслѣ обществѣнныхъ группъ и классовъ, — на первомъ планѣ. Именно этотъ «негосударственный» народъ, «жидкая масса», «калужское тѣсто» (Кавелипъ) всего болѣе и интересуется Ключевского. Для Соловьева прогрессивный моментъ русской исторїи — въ торжествѣ государственныхъ началъ надъ пережитками родового быта, у Ключевского нѣтъ и схемы этого родового быта. Древняя Киевскія Русь представляется ему созданіемъ не князей-государственниковъ, а

торговаго общества, приглашеннаго князей для военно-полицейской охраны. Со своей высокой оцѣнкой государства, Соловьевъ могъ посвятить всю свою жизнь «Исторіи Россіи», какъ лѣтописи успѣховъ этого государства, его вѣшняго роста, внутренняго укрѣпленія, его борьбы съ окружающимъ политическимъ міромъ. Исторія Соловьева — чистая политическая исторія, и вѣшняя политика въ ней занимаетъ подавляющее мѣсто. Конечно, есть разница между университетскимъ курсомъ и научной исторіей. Конечно, въ своемъ курсѣ Ключевскій не отрицаетъ, а дополняетъ (или думаетъ, что дополняетъ) Соловьева. Но изъ всей совокупности его трудовъ совершенно ясно, что вѣшняя политика его совершенно не интересовала, да и судьба государственности занимала весьма умеренно.

Съ «Боярской Думой» Ключевскій подходитъ вплотную къ исторіи учреждений, къ темъ государственно-правовой, какъ бы завѣщанной ему Чичеринимъ. Но подходитъ лишь для того, чтобы поставить ее по-новому, съ первыхъ же страницъ отмежевавнись отъ историко-юридической школы. Старая школа изучаетъ только «механизмъ правительственныхъ учреждений... При этомъ остаются въ тѣни общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и черезъ нихъ дѣйствовали». Но, по мнѣнію Ключевского, «въ исторіи политическихъ учреждений строительный матеріалъ часто важнѣе самого строя». Въ исторіи Боярской Думы Ключевского интересуетъ не столько компетенція Думы и работа ея, сколько составъ: тѣ классы общества, которые въ Думѣ и черезъ Думу управляли Россіей. Вотъ почему «Боярская Дума» Ключевского разворачивается въ построеніе социальной исторіи Россіи, въ которой тема Думы совершенно тонетъ въ широкую, поглощающую темъ правящихъ классовъ. Вполнѣ естественно, что книга Ключевского должна была вызвать негодованіе историковъ-юристовъ, о которой свидѣтельствуетъ полемика Владимірскаго-Буданова и Сергѣевича. Тема Ключевского была нова и разработка ея плодотворна, но изгнаніе правовой, институціонной точки зрѣнія изъ русской исторіи едва ли ее обогатило. Исторія права и учреждений, оформляющихъ государство, предоставляется въ удѣлъ чистымъ юристамъ. Размежеваніе съ юристами оставило въ русской исторіи еще и другой слѣдъ: слабость формально-логической структуры, нечеткость историческихъ понятій. Напрасно пытались находить у Ключе-

чевскаго эту четкость. Не слѣдуетъ смѣшивать мѣткости и силы художественныхъ описаній съ точностью опредѣленій. Образъ не замѣняетъ понятія. Образной стороною блестящаго художественнаго таланта Ключевскаго является извѣстная, незамѣтная для средняго читателя и даже порой для историка, расплывчатость историческихъ понятій.

4.

Въ исторіи классовъ Ключевскій нашелъ свою социальную тему, которую онъ противопоставилъ политической темѣ государства и завѣщаль всей позднѣйшей русской исторіографіи. Можно съ увѣренностью утверждать, что классовая тема Ключевскаго не стояла ни въ какой связи съ социализмомъ. Это доказывается хотя бы тѣмъ, что вниманіе Ключевскаго было приковано не къ однимъ трудящимся классамъ. Его курсъ по «Исторіи сословій въ Россіи» объ этомъ свидѣлствуетъ, какъ и тотъ фактъ, что главный трудъ его, «Боярская Дума», есть исторія правящихъ классовъ. Менѣе всего Ключевскій удѣляетъ вниманія буржуазіи, какъ и пролетаріату, — торгово-промышленнымъ группамъ древней Руси, — и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Но это лишній разъ свидѣлствуетъ о томъ, что его социальная тема возникла не изъ европейской социальной борьбы (какъ русской социализмъ), а имѣетъ болѣе глубокіе, народныя и вмѣстѣ съ тѣмъ личныя корни. Можно отважиться на утвержденіе, что Ключевскій, по условіямъ своего рожденія и воспитанія, былъ какъ бы предназначенъ къ тому, чтобы увидѣть исторію Россіи въ классовомъ разрѣзѣ. Сынъ сельскаго священника, современникъ освобожденія 1861 г., онъ видѣлъ воочию столкновеніе двухъ Россій, взаимное непониманіе, разность ихъ культуръ. Но по своему собственному, семейному быту онъ не принадлежалъ ни къ міру ампирическихъ усадебъ, ни къ міру соломенныхъ крышъ. Онъ могъ смотрѣть на тяжбу барина съ мужикомъ еще съ третьей стороны. При всемъ демократизмѣ Ключевскаго, его бытовые связи со своимъ сословіемъ были такъ сильны, что онъ не сталъ политическимъ демократомъ и социальнымъ революціонеромъ: онъ былъ лишь зрителемъ и историкомъ классовой тяжбы. Но для него стало уже невозможнымъ, какъ для типической, родившейся въ дворянствѣ интел-

лигенции, исходить изъ единства національнаго и общественаго сознанія Россіи. Въ этомъ онъ шелъ своимъ путемъ, параллельнымъ пути революціонной интеллигенціи. Между Ключевскимъ и ею можно сдѣлать еще одно сближеніе. Известно отвращеніе русскихъ социалстовъ 60 и 70-хъ годовъ къ «чистой» политикѣ, къ демократіи, къ юридическимъ формуламъ либерализма. Прямой аналогіей этому является социальный историзмъ Ключевскаго съ его прощескимъ отношеніемъ къ «механизму» правительственныхъ учреждений. Впрочемъ, анти-юридизмъ Ключевскаго не шелъ такъ далеко, какъ анти-либерализмъ русскихъ народниковъ. Онъ всегда изучалъ классы общества въ ихъ отношеніи къ государству, къ власти, и въ этомъ чувствуется ученикъ Соловьева. Общество не упразднило для него государства, а лишь оттѣснило на задній планъ исторической сцены. И въ этомъ онъ выношилъ лишь правильно учтенный имъ «заказъ» своей эпохи.

Почти то же можно сказать и объ экономизмѣ Ключевскаго. Онъ сказанъ не только въ чисто экономическихъ его работахъ, но и въ томъ значеніи, которое экономическіе факторы имѣютъ въ его исторической конструкціи. Специальныя его работы дѣлаютъ Ключевскаго основателемъ научной экономической исторіи въ Россіи. Весь курсъ его даетъ начало историческому экономизму, какъ особому, и очень вліятельному явленію въ Россіи историческому направленію. Нѣкоторые изъ учениковъ Ключевскаго могли говорить даже о его «экономическомъ матеріализмѣ», а русскій марксизмъ просто аинектировала въ свою пользу курсъ Ключевскаго въ эпоху его полу-легальнаго, допечатнаго существованія. Однако экономизмъ Ключевскаго такъ же органиченъ и почвененъ, какъ и созвученъ передовымъ теченіямъ своего времени. Здѣсь придется думать не столько о марксизмѣ, сколько о возникавшей на Западѣ историко-экономической школѣ 70-хъ годовъ: Родбертусъ, Инама-Штернеггъ, Роджерсъ. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны всѣ эти западныя вліянія на Ключевскаго, но было бы неосторожнымъ ихъ оспаривать. Молодой студентъ, П. Н. Милуковъ, пришедшій въ аудиторію Ключевскаго съ запасомъ идей новѣйшей западной науки (онъ говоритъ прямо о Роджерсѣ), нашелъ ея принципы выраженными въ знаменитыхъ вступительныхъ лекціяхъ Ключевскаго. Однако слѣдуетъ вспо-

мнить, что первая экономическая работа Ключевского — о Соловецкомъ монастырскомъ хозяйствѣ — была напечатана въ 1869 г. Едва ли въ эти годы западная исторіографія могла дать Ключевскому вдохновляющіе опыты. Ключевскій опередилъ расцвѣтъ историческаго экономизма на Западѣ. Русскихъ предшественниковъ Ключевского П. Н. Милуковъ справедливо видитъ въ славянофилахъ. Не богословы-идеалисты 40-хъ годовъ, а позднѣйшіе славянофилы-почвенники съ любовью къ быту, обряду и этнографіи, вводили хозяйственный бытъ въ кругъ изучения русской народности: Бѣляевъ, Забѣлинъ, Валуевъ, Ал. Половъ. По компетентному предположенію Милукова, идею торговаго значенія Кіева (основную въ его схемѣ) Ключевскій могъ найти уже у одного изъ историковъ XVIII вѣка — у Шторха. Но хочется сказать: то, какъ экономическая тема ставится у Ключевского, говорить о ея гораздо болѣе органическомъ, не литературномъ только происхожденіи. Ключевскій принялся за изученіе ея по житіямъ русскихъ святыхъ и памятникамъ монастырскаго хозяйства. Конечно, не иначе приходилось изучать экономическую исторію средневѣковья и на Западѣ: таковъ весь сохранившійся составъ историческихъ источниковъ. Но Ключевскій подходитъ къ экономическимъ явленіямъ съ такой теплотой, съ такой бытовой и нравственной сраженностью съ изображаемымъ міромъ, которая далеко выводитъ за предѣлы нормальнаго отношенія изслѣдователя къ своимъ «источникамъ». Сочиненія Ключевского могутъ служить превосходнымъ матеріаломъ для построенія психологін и идеологін «православнаго», т. е. церковно-бытоваго хозяйства. Задолго до Макса Вебера, Ключевскій, не теоретизируя, нащупалъ религіозно-психологическія основы хозяйства. Въ этомъ смыслѣ характерно, съ какой любовью выписанъ имъ портретъ преп. Пафнутія Боровскаго, хозяйственнаго игумена и коренного московскаго патріота XV вѣка. Въ разрывѣ съ Костомаровымъ и либеральной интеллигенціей, которая изъ всѣхъ русскихъ святыхъ излюбила мистика и свобододолюбца Никола Сорскаго, Ключевскій выдвинулъ суроваго трудолюбца, учителя знаменитаго противника Нилова, Юсифа Волоцкаго. Думается, что здѣсь Ключевскій руководился безсознательно родовымъ опытомъ русскаго духовенства съ его трудовымъ стяжаніемъ, съ его скопидомствомъ, съ его хозяйствомъ, освященнымъ, какъ и въ крестьянствѣ,

обрядностью годового церковнаго круга. Вотъ почему экономизмъ Ключевского, въ отличіе отъ западной науки, связанъ не съ юридическими формами хозяйства, и не съ техникой (какъ въ марксизмѣ), а съ бытомъ и нравственными основами жизни.

5.

Ключевскій былъ не только изслѣдователемъ хозяйства и социальныхъ отношеній. Онъ былъ въ своемъ курсѣ и въlostное построеніе русскаго историческаго процесса, и во вступительныхъ лекціяхъ къ нему — основы своей исторической философіи. Въ этомъ курсѣ самое поразительное — исключеніе всей духовной культуры, при стремленіи къ законченному объясненію «процесса». Слушатель или читатель Ключевского ничего не узнаетъ даже объ утвержденіи на Руси христіанства, и встрѣчается съ этимъ фактомъ на окольныхъ путяхъ, при анализѣ нѣкоторыхъ юридическихъ памятниковъ. Нѣтъ и рѣчи о вліяніи Византіи на культуру древней Руси, какъ и о вліяніи (или отсутствіи вліянія) на нее со стороны татаръ. Эта односторонность курса Ключевского особенно бросается въ глаза при сравненіи его съ знаменитымъ курсомъ Гизо. Изъ всѣхъ классическихъ образцовъ курсъ Гизо обнаруживаетъ наибольшее сходство съ лекціями Ключевского: въ четкости общихъ линий и умѣнии заполнить рамки схемъ конкретностью краснорѣчивыхъ фактовъ, въ художественности изложенія безъ ущерба для строгой научности, а главное, въ томъ равновѣсіи между анализомъ и синтезомъ, между построеніемъ и фактической содержательностью, которое составляетъ секретъ большого историческаго стиля. Почти не можетъ быть сомнѣній въ знакомствѣ Ключевского съ курсомъ Гизо. Гизо былъ учителемъ Соловьева, о Гизо Ключевскій говоритъ, какъ о профессорѣ, со словъ своего учителя, упоминая даже о тембрѣ его голоса. Но изъ сравненія съ курсомъ Гизо парадоксальная особенность построенія Ключевского бросается въ глаза: у Гизо вниманіе равномѣрно распределено между социальной и духовной культурой; между правомъ и государственнымъ развитіемъ съ одной стороны, — идуккой и религіей, съ другой. Что Ключевскій пожертвовалъ половиной историческаго содержанія не изъ сознанія своей некомпетентности, это ясно для всякаго. Авторъ диссертациа о «Русскихъ житіяхъ святыхъ», въ мно-

гочисленныхъ рецензіяхъ доказавшій свой пристальный интересъ къ изученію духовной культуры русскаго прошлаго, — болѣе, чѣмъ кто-либо, былъ призванъ для синтетическаго построенія в с е й русской культурной исторіи. Откуда же его самоограниченіе, его жертва?

Постараемся найти отвѣтъ въ исторіософскомъ степдо вступительныхъ лекцій. Здѣсь Ключевскій развиваетъ взглядъ на исторію, какъ на «предварительную ступень къ соціологіи». Онъ ставитъ высшей цѣлью историка открытіе «законовъ», «закономѣрности»... «механики исторической жизни». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ «объ анатоміи и физиологіи» общественной жизни и въ «Боярской Думѣ» выставляетъ слѣдующее утвержденіе: «Историческія тѣла рождаются, живутъ и умираютъ подобно органическимъ тѣламъ природы». Во всемъ этомъ мы узнаемъ вліяніе той новой науки, «соціологіи», которая въ 70-хъ годахъ складывалась, съ величайшими притязаніями на универсальность, на Западѣ и въ Россіи. Въ Россіи ея идейная диктатура въ широкихъ массахъ интеллигенціи, смѣнившая диктатуру естествознанія 60-хъ годовъ, была особенно суровой. Ключевскій, какъ передовой человекъ своего времени, не избѣжалъ общаго духовнаго повѣтрія. Конечно, онъ не былъ соціологомъ, не былъ теоретикомъ вообще. «Разговоры, касавшіеся теорій историческаго процесса, его не воодушевляли», вспоминаетъ Богословскій. Но онъ чувствовалъ себя обязаннымъ оправдывать свою историческую работу передъ судомъ Соціологіи. Какое значеніе имѣетъ «мѣстная» (т. е. національная) исторія для познанія общихъ историческихъ законовъ? «Научный интересъ исторіи того или другаго народа опредѣляется количествомъ своеобразныхъ, мѣстныхъ сочетаній, и вскрываемыхъ ими свойствъ тѣхъ или иныхъ элементовъ общезитія». Это своеобразие, конечно, получаетъ свой смыслъ лишь изъ сравненія съ параллельнымъ развитіемъ другихъ мѣстныхъ культуръ. Само по себѣ оно мало интересно. «Культурное значеніе мѣстной исторіи сравнительно ничтожно». Вступленіе Ключевскаго настраиваетъ насъ къ ожиданію сравнительно-историческаго метода изслѣдованія. Ничуть не бывало. Ключевскій избѣгаетъ его даже тамъ, гдѣ оно напрашивается само собой (аналогіи съ западнымъ феодализмомъ, напр.). Предисловіе составлялось для очищенія совѣсти. Историкъ въ Ключевскомъ былъ терроризированъ соціологіей, и дѣлалъ видъ, что

принимаетъ ея социальный заказъ. Только ученикъ его, Рожковъ, уже на почвѣ марксизма, сдѣлалъ опытъ «соціологическаго» построения русской исторіи.

Однако отъ соціологіи нельзя было отдѣлаться предисловіемъ. Чтобы спасти «научность» исторіи, въ духѣ своего времени, Ключевскому пришлось пожертвовать истеріей духовной культуры. Сама по себѣ духовная культура, казалось бы, допускаетъ соціологическое истолкованіе. Но для экономической, или иной матеріалистической интерпретации духовной культуры Ключевскій обладалъ слишкомъ большою трезвостью и вкусомъ. Идеалистическая же соціологія возвращала назадъ къ Гегелю, къ его діалектикѣ и «богословію», отъ которыхъ Ключевскій отталкивался. Будучи не въ силахъ дать иное, кромѣ описательнаго, «видеографическаго», изображеніе духовной жизни, и не желая войти строгого эволюціонныхъ линій своего процесса ирраціональностью голыхъ культурныхъ фактовъ, Ключевскій отказался отъ половины своей темы. Нельзя сказать, чтобы оправданіе этого приёма у самого Ключевского было удовлетворительно. Не будучи матеріалистомъ и доктринеромъ, онъ допускаетъ въ исторіи возможность творчества духовныхъ силъ: «Человѣческая личность, людское общежитіе и природа страны — вотъ тѣ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общество». Однако онъ не знаетъ самъ, что дѣлать съ личностью и особенно творимой ею духовной культурой. «А гдѣ же, можетъ-быть, спросите вы, домашній бытъ, нравы, усѣхи знанія и искусствъ, литература, духовные интересы... Идея становится историческимъ факторомъ, когда овладѣваетъ какой-нибудь практической силой, властью, народной массой или капиталомъ. Политическій и экономическій порядокъ извѣстнаго времени можно признать показателемъ его умственной и нравственной жизни». Это объясненіе, читавшееся въ 1-омъ изд., не особенно вразумительно. Если идеи обладаютъ практической силой, почему онѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія? Ключевскій почувствовалъ неувязку и во 2-омъ изд. замѣнилъ это объясненіе другимъ, всѣмъ намъ памятнымъ: только методологически, въ порядкѣ изученія, общественные факты идутъ впереди духовной культуры.

Во внутренней противорѣчивости «соціологическаго» введенія, въ неустойчивости самого текста сказалась дра-

матическая борьба историка съ духомъ своего времени, съ его «соціальнымъ заказомъ». Этотъ заказъ, конечно, не былъ вѣшне навязаннымъ, но внутренне принятымъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ извѣстной тяжестью, ярмомъ, которое влячлѣ на себѣ историкъ-художникъ большой чуткости и широты ума, принужденный замалчивать въ общемъ историческомъ курсѣ многія изъ своихъ заветныхъ историческихъ идей.

Эти заветныя мысли Ключевскій любилъ высказывать не въ академическихъ, а въ публичныхъ чтеніяхъ, гдѣ чувствовалъ себя свободнымъ отъ обязательной «научности». Въ нихъ то и вскрываются неожиданныя противорѣчія въ его исторической схемѣ, — вѣрнѣе, та тиранія, съ которой она организуетъ его историческій опытъ. Въ знаменитой актовъ рѣчи о преп. Сергіи Ключевскій говоритъ не только о религіозномъ, но и общественномъ и государственномъ значеніи Радонежскаго старца для древней Руси. Въ своемъ курсѣ онъ не нашелъ ни одного слова для характеристики этого значенія и даже для упоминанія самого Сергія. Въ публичной рѣчи о русской женщинѣ Ключевскій выражаетъ свое твердое убѣжденіе (даже «вѣру»), что русская женщина всѣми своими гражданскими привадами обязана вліянію Церкви. Въ курсѣ мы напрасно стали бы искать доказательствъ этого вліянія. Но, вѣдь, это факты соціального, а не чисто моральнаго порядка. Они должны были бы найти свое мѣсто въ соціальной исторіи Россіи. Историкъ, утверждавшій не разъ примать экономики надъ политикой, долженъ сознаться: «Умственный трудъ и нравственный подвигъ всегда останутся лучшими строителями общества и самыми мощными двигателями человѣческаго развитія». Но это убѣжденіе историка не отразилось въ его историческомъ построеніи.

6.

Художникъ сгладилъ шероховатости соціолога, скрылъ острые углы его схемы. Читая Ключевскаго, мы не задыхаемся отъ удущья, какъ, напр., въ геометризмѣ марксистскихъ историческихъ схемъ. Ключевскій, въ отличіе отъ марксистовъ, не механизуетъ духовной культуры. Обходя ее молчаніемъ, онъ, напротивъ, одухотворяетъ культуру экономическую и соціальную. Подъ его перомъ она утрачиваетъ свой схематизмъ, становится выраженіемъ конкретной человѣческой личности. Соціальная исторіи

превращается въ социальную характерологию. Всё мы благодарно хранимъ въ памяти блестящіе портреты историческихъ дѣятелей (Грознаго, Алексѣя Михайловича), которыми печально дарить насъ Ключевскій, забывая на часъ о своей строгой, конструктивной задачѣ. Эти портреты осмѣиваютъ, одухотворяютъ для насъ русской исторической «процессъ». Однако еще болѣе значительны у Ключевского коллективные, социальные портреты, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ: древне-русского князя, великорусского земледѣльца, московскаго боярина и служилаго человека. Эти социальные портреты, несомнѣнно, — самое прочное въ наследіи Ключевского. Ихъ не коснется переопредѣленіе социальныхъ схемъ и принциповъ историческаго построения. Самое цѣнное и рѣдкое въ нихъ — это своеобразное отношеніе художника къ своей модели. Создается впечатлѣніе, что между ними нѣтъ граней времени и культуры. Что перомъ Ключевского древне-русскій человекъ рисуетъ самого себя. Это относится особенно къ московскому человеку XVI-XVII вѣка. Самъ Ключевскій, подходя къ XVII вѣку, считаетъ его исторію уже «автобиографіей»: до такой степени историкъ живетъ въ его исторической средѣ. Не только въ силу историческаго и художественнаго вживанія въ искусственно воскрешенное прошлое. Это прошлое было для Ключевского настоящимъ, его подлинной живительной средой, питавшей его юность. Въ Ключевскомъ мы видимъ московскаго человека XVII вѣка, прошедшаго сквозь «нигилистическій» опытъ XIX вѣка, но сохранившаго нетронутымъ, по крайней мѣрѣ, свой душевный складъ. XVII вѣкъ, дѣйствительно, не умиралъ въ Россіи совершенно. Оттиснутый внизъ петровской, дворняжеской культурой, онъ доживаетъ, въ полной моральной силѣ и здоровьѣ, въ крестьянствѣ, купечествѣ и духовенствѣ, особенно сельскомъ, изъ котораго вышелъ Ключевскій. Москва — бытописатель XVII вѣка въ XIX-мъ. Шестидесятие годы начали стремительный процессъ разложенія донетровскаго массива русской жизни. Революція, по всей вѣроятности, смыла его остатки. Ключевскій былъ послѣднимъ очевидцемъ-свидѣтелемъ московскаго царства. Даже тогда, когда уже нечему будетъ учиться у изслѣдователя-Ключевского, къ нему будутъ обращаться, какъ къ первоисточнику.

Однако все отношеніе Ключевского къ старой московской культурѣ — глубоко двойственно. Онъ высоко стл-

вить ея моральный закалъ, хозяйственную крѣпность, жизненную доброту практическаго христіанства. Но идейное содержаніе этой культуры, какъ и эстетическіе ея идеалы, для него не существуютъ. Онъ долженъ былъ смотрѣть на все это, съ просвѣтительной горки 60-хъ годовъ, какъ на наивное и невѣжественное варварство. Ничто не даетъ намъ основанія думать, что Ключевскій цѣнилъ древнерусское искусство. Оно осталось навсегда запечатаннымъ даже для Ковдакова. Но научный и философскій багажъ древней Руси можетъ вызвать улыбку не только у чловека 60-хъ годовъ. Такъ иронія навсегда осталась наиболее рѣзкой чертой въ Ключевскомъ — бытописатель и портретистъ. Она спасаетъ его отъ слащавости, невыносимой у славянофиловъ. Но она говоритъ и о болѣзненномъ разладѣ въ отношеніи къ дѣйствительности. Иронія возникаетъ почти неизбѣжно тамъ, гдѣ умъ живетъ не въ ладу съ сердцемъ. Умомъ Ключевскій, конечно, считалъ древнюю Русь глуховатой, но сердцемъ отдавалъ предпочтеніе ей передъ культурой своего времени, какъ обществу «антиковъ» Духовной Академіи передъ либеральными салонами Москвы.

7.

Велика историческая удача Ключевского. Полвѣка — огромный историческій срокъ, — Карамзинъ не выдержалъ и половины. Школа Ключевского до самой революціи безраздѣльно господствовала въ Россіи. Если бы нужно было указать на самыя крупныя научныя завоеванія Ключевского, я отмѣтилъ бы слѣдующія: 1) характеристику смѣны различныхъ слоевъ московскаго боярства и служилаго класса, — тема особенно излюбленная «виколой»; 2) очеркъ монастырской колонизаціи русскаго сѣвера, хотя и оставшійся, вмѣсто задуманной диссертаціи, въ наброскахъ нѣсколькихъ лекцій; 3) блестящее возсозданіе хозяйственно-соціального быта удѣльныхъ столѣтій (XIII—XV) русской жизни, русскаго «средневѣковья». Последнее мнѣ бы хотѣлось подчеркнуть особенно. Выстъ съ Ключевскимъ впервые два вѣка русской исторіи, отъ татарскаго завоеванія до Ивана III, заполняются определеннымъ соціальнымъ содержаніемъ. У Карамзина и Соловьева они заняты безрадостной лѣтописью смуть и «возвышеніемъ Москвы». Ломка удѣльнаго строя московскимъ

объединительнымъ деспотизмомъ представлялась единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ этихъ столѣтій. Ключевскій (мы видѣли, вельдъ за Чичеринымъ) подошелъ къ нимъ съ любовнымъ вниманіемъ. Онъ показалъ, какъ въ хозяйственной страдѣ здѣсь складывался великорусскій характеръ. Онъ несомнѣнно преувеличилъ, какъ и Чичеринъ, значеніе вотчинныхъ элементовъ удѣльнаго строя въ ущербъ государственнымъ. Авторъ «Русскихъ житій», по принципиальному воздержанію, съ одной стороны, и по нечувствію, съ другой, не пожелалъ оцѣнить этой эпохи, какъ золотого вѣка русской святости и русскаго искусства. Но остается фактомъ: онъ оцѣнилъ положительную работу этихъ вѣковъ, завѣщавъ будущему ихъ углубленное изученіе.

Среди достиженій Ключевского, я обошелъ открытіе имъ торговой Киевской Руси. Это потому, что при настоящемъ отношеніи къ этому открытію русской исторической науки, оно скорѣе должно быть отнесено въ пассивъ Ключевского. Не то, чтобы оно было опровергнуто новыми фактами или открытіями. Но оно осталось неподтвержденнымъ, какъ гипотеза, облеченная въ художественныя краски, но лишенная исторической плоти. Пренебреженіе Ключевского къ археологій и лингвистикѣ, игнорированіе имъ племенного быта, засвидѣтельствованнаго изъ зарѣ русской исторіи, заставляетъ теперь по новому, изъ новыхъ матеріаловъ строить первыя столѣтія русской исторіи. Какъ характерно, что знаменитые «градскіе старцы», истолкованные Ключевскимъ, какъ купеческая городская аристократія, оказались библейскимъ заимствованіемъ!

Но, переходя къ пассиву въ балансѣ Ключевского, къ 1) торговому Киеву, слѣдуетъ присоединить: 2) Рѣзкость отрыва великорусскаго періода нашей исторіи отъ Киевскаго. Получается впечатлѣніе созданія новой жизни на новомъ мѣстѣ съ полнымъ уничтоженіемъ старыхъ государственныхъ формъ. Въ школѣ Грушевскаго эта мысль Ключевского получила парадоксальное противопоставленіе двухъ независимыхъ національныхъ процессовъ: русскаго и «украинскаго». 3) Игнорированіе Ключевскимъ судьбы Литовской Руси и Украины, тоже какъ бы выдѣляющее половину Руси изъ русскаго историческаго процесса. 4) Отсутствие изображенія колонизаціи, государственнаго роста и вышней политики Россіи. 5) Карикатурность въ изображеніи XVIII в., вытекающую изъ нечув-

ствія Имперіи. Не трудно было бы показать, что всё эти пробѣлы и провалы Ключевского объясняются недооцѣнкой у него момента государственности и увлеченіемъ однимъ соціальнымъ процессомъ. Наконецъ, б) — мы уже достаточно настаивали на этомъ — отсутствіе въ построеніи Ключевского духовной культуры. Подводя итоги, приходится сказать, что слабость Ключевского въ томъ, въ чемъ онъ отказывается отъ традиціи 40-хъ годовъ: отъ государства, исторической личности и національной идеи. Его сила въ разработкѣ открытой имъ золотоносной жилы: соціальной исторіи общества, какъ совокупности классовъ.

8.

Огромное вліяніе Ключевского въ русской исторіографіи не сводится къ одному его личному таланту. Онъ оказался въ основномъ руслѣ — съ рѣдкой чуткостью нащупалъ это русло — русской общественной мысли, которая съ 90-хъ годовъ испытывала огромное и все растущее вліяніе социализма. Марксизмъ былъ политическимъ и радикальнымъ выраженіемъ той тенденціи интеллигентской мысли, которая въ границахъ научнаго историзма удовлетворялась школой Ключевского.

Эта школа насчитываетъ десятки именъ; къ ней, въ сущности, относятся всё московскіе и петербургскіе историки послѣднихъ десятилѣтій. Въ ея стоятъ лишь нѣкоторые провинціалы: кіевляне, харьковцы. Даже всегда противостоящій Москвѣ Петербургъ на этотъ разъ измѣнилъ своей традиціи. Глава Петербургской школы Платоновъ, по существу, является представителемъ той же историко-соціальной школы. Совершенно въ духѣ Ключевского, онъ истолковалъ намъ смуту, какъ борьбу классовъ, и опричнину, какъ революціонную смѣну правящаго класса. На этомъ отрѣзкѣ времени онъ усовершенствовалъ схему Ключевского, продвинулся дальше его — въ томъ же направленіи. Въ сторонѣ стоялъ Лаппо-Данилевскій, человекъ огромной культуры, мыслившій въ терминахъ фидософскаго идеализма, котораго обезплодило собственное богатство. Придавленный критицизмомъ, онъ не могъ отважиться на историческое построеніе въ большомъ стилѣ и воспиталъ цѣлую школу скрупулезныхъ дипломатистовъ и архивистовъ, русскую Ecole des Chartes. Творческія петербургскія силы идутъ въ ногу съ москвичами, раз-

рабатывая темы Ключевского. Больше всего посчастливилось темъ московскаго служилаго класса (Готье, Платоновъ, Рождественскій). Усердно изучалась экономическая исторія — въ связи съ социально-административнымъ строемъ (Милюковъ, Веселовскій, Богословскій, Грековъ, Заозерскій). Павловъ-Сильванскій углубился въ средне-вѣковую Русь съ идеями западно-европейскаго феодализма. Менѣе всего, быть можетъ, посчастливилось чистой экономической исторіи (Довнаръ-Занольскій), которая стоитъ еще въ началѣ своей научной разработки. Но классовая социальная исторія въ духѣ и даже догмъ марксизма представлена въ школѣ Ключевского необычайно богато. Ключевскій самъ приветствовалъ первые экономическія работы своего ученика Рожкова. Покровскій, научная карьера котораго не удалась, блеснула лишь нѣсколькими талантливыми статьями. Свою «николу» онъ создалъ лишь теперь, въ условіяхъ, свободныхъ отъ конкуренціи. Но и въ свободной Россіи число историковъ-марксистовъ, и при томъ настоящихъ историковъ, было очень велико. Парадоксальность этого явленія особенно ошущается при сравненіи съ Западомъ, гдѣ, говоря серьезно, нѣтъ и не было ни одного марксиста-историка: тираическій схематизмъ доктрины преградилъ и конкретности и критицизму, въ которыхъ немислима научная исторія. Если въ Россіи историческій марксизмъ нашелъ для себя сравнительно благодарную почву, то это потому, что она была подготовлена для него Ключевскимъ. Экономическій историзмъ его, столь жизненный и конкретный, предрасполагалъ ко всякому экономизму, даже матеріалистическому. Удача Ключевского вдохновляла на дерзаніе. Конечно, большинству за это дерзаніе пришлось заплатить самой дорогой цѣной — цѣной вульгарности. Но поскольку въ революціонной Россіи разрабатывается русская исторія, какъ наука, — даже въ марксистскомъ освѣщеніи — въ ней доживаетъ себя, изуродованная и стиснутая въ колюжки, школа Ключевского.

Оппозиція Ключевскому въ его собственной школѣ, проявилась въ одномъ направленіи: бдѣнней оцѣнки государства. Очагомъ этой оппозиціи былъ естественно Петербургъ, городъ Имперіи, городъ западниковъ, гдѣ историки ближе, чѣмъ въ Москвѣ, стояли къ юристамъ (Сергѣевичъ), старымъ врагамъ Ключевского. Эта оппозиція была довольно сильна въ рядахъ молодежи, которая, за-

стигнутая войной и революціей, не успѣла создать опредѣленнаго направленія. Вождемъ этой молодежи былъ Прѣсняковъ, талантливый, но парадоксальный, который въ двухъ своихъ большихъ работахъ шелъ въ разрѣзъ съ Ключевскимъ, подчеркивая государственную роль княжеской власти въ Кіевской и Удѣльной Руси. Односторонняя «великорусскость» Ключевского вызывала давно уже не изслѣдованія Западно-Литовской и Южно-Украинской Руси. (Работы Лапдо и Любавскаго, Грушевскаго и его школы, Багалъя и др.). Однако эти изслѣдованія не только не вошли органически въ составъ русской исторіографіи, но привели къ образованію «національной» украинской школы, болѣе всѣхъ другихъ явленій молодой украинской культуры грозившей распадомъ общерусскаго сознанія. Наканунѣ войны начинала назрѣвать потребность и въ созданіи научной международной исторіи Россіи, которая начисто отсутствовала. Въ годы революціи эту потребность съ большой силой и остротой выразилъ Винперъ, историкъ-имперіалистъ, который въ своемъ «Иванѣ Грозномъ» показалъ русскимъ историкамъ, при общемъ одобреніи съ ихъ стороны, какое новое освѣщеніе могутъ получить русскія историческія темы со стороны международной политики. Революція, которая въ Россіи была срывомъ не только власти, но и государства, вскрыла на мѣстѣ кажущагося благополучія трагическую проблему государства въ Россіи. Историческая мысль углубляется въ проблему о государствѣ, его носителяхъ, его самостоятельномъ бытіи. Лишь условія марксистской цензуры мѣшаютъ пробиться наружу этой тенденціи. Но она означаетъ — возвращеніе къ Соловьеву, обогащенное всѣмъ соціальнымъ опытомъ и школы и жизни.

Другой огромный провалъ Ключевскаго до самой революціи такъ и не дошелъ до сознанія представителей русской исторической науки. Русскіе историки, въ огромномъ большинствѣ своемъ, чуждались проблемъ духовной культуры. Проблемы эти разрабатывались представителями специальныхъ дисциплинъ: историками литературы, Церкви, искусства. До сихъ поръ никто еще не попытался учесть огромный накопившійся матеріалъ специальныхъ изслѣдованій для постановки общихъ вопросовъ древне-русской культуры. Въ этомъ отношеніи русская исторіографія представляетъ любопытное уродство, не имѣющее себѣ равныхъ на Западѣ, гдѣ Церкви, литера-

тура, искусство не могут не найти почетнаго мѣста (хотя часто и въ органической связи) во всякомъ общемъ историческомъ построении. Русская историографія оставалась и остается, конечно, наибольшей «материалисткой» въ семьѣ Ключо. Лишь въ годы революціи кое у кого изъ научныхъ внуковъ Ключевского начинаетъ просыпаться интересъ къ давно забытымъ темамъ духовной культуры, когда жизнь самая тема эти сдѣлала запретными для историка въ Россіи.

Революція была кризисомъ русскаго сознанія въ еще болѣе мѣрѣ, чѣмъ кризисомъ государства. Раскрывшаяся пропасть между «интеллигенціей» и «народомъ» снова поставила на очередь трагической вопросъ о русской культурѣ и ея «идеѣ». Мысль возвращается къ проблемамъ 40-хъ годовъ, къ центрику вѣчнаго спора между западниками и славянофилами: о содержаніи и смыслѣ древне-русской культуры, о ея всемірно-историческомъ «мѣстѣ». Но образованный читатель, который обрашается теперь за рѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ классикамъ русской исторической науки, остается безъ отвѣта. Въ школѣ Ключевского онъ не узнаетъ, чѣмъ была жива Россія и для чего она жила. Отдѣльные сохранившіеся фрагменты ея древней культуры говорятъ непосредственно о цѣнности погребенныхъ кладовъ: Рублевская икона, житіе Аввакума. Но смыслъ ихъ остается загадочнымъ. Россія, болѣе, чѣмъ когда-либо, темна, непонятна и грозна. Но только рѣшивъ ея загадку, или, по крайней мѣрѣ, ставъ на пути, ведущемъ къ ея рѣшенію, русская интеллигенція можетъ плодотворно участвовать въ дѣлѣ духовнаго возрожденія родины. Что умерло безъ остатка? Что замерло въ анабіозѣ? Что относится къ исторически изношеннымъ одеждамъ Россіи и что къ самой ея душѣ и тѣлу, безъ которыхъ Россія не Россія, а конгломератъ, географическое пространство, Евразія, СССР? Наме поспѣе стоять передъ повелительной необходимостью, прорваться изъ магическаго круга Ключевского, изъ его «мѣстной», тѣсной, социальной, бытовой темы, и выйти въ міровые просторы сороковыхъ годовъ.

Г. Федотовъ.